

Белик К.С.,
*старший преподаватель кафедры общей и прикладной политологии
Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева*

Теократическая утопия и её крах в философии В.С.Соловьёва

В статье рассматривается концепция теократической утопии В.С.Соловьёва как проекта идеального общественного и государственного устройства, её характерные черты и причины последующего разочарования в ней философа.

Ключевые слова: Владимир Сергеевич Соловьёв; теократия; утопия; государство; Церковь; политика; русская философия

Belik K.S.,
*senior lecturer, Department of General and applied political science,
Orel state University named after I.S.Turgenev*

Theocratic utopia and its collapse in the philosophy of V.S. Solovyov

The article discusses the concept of theocratic utopia of V.S.Solovyov as a project of an ideal social and state structure, its characteristic features and reasons for the subsequent disappointment of the philosopher in it.

Keywords: Vladimir Sergeevich Solovyov; theocracy; utopia; state; Church; politics; Russian philosophy

Одной из самых интересных и одновременно спорных концепций в философии В.С.Соловьёва является его идея так называемой «теократической утопии», или «теократической монархии», или «всемирной теократии», или, как сам Соловьёв именовал свою концепцию, «свободной теократии». В ней мыслитель изложил свои представления об идеальном, с его точки зрения, государственном и общественном устройстве.

Мы попытаемся рассмотреть характерные черты теократической концепции Владимира Соловьёва, её эволюцию и итоги этой эволюции в философии мыслителя.

Вообще, тема церковно-государственных отношений, а также и проблема теократии, различных форм подчинения политики религиозным доктринам и религиозным иерархиям, вновь становится актуальна в нынешний исторический период. Что проявляется в росте влияния Церкви и религии в российском и многих иных обществах в последние годы, а также в попытках создания теократических систем на Ближнем Востоке в виде так называемого «исламского государства», или «халифата», когда религия и конфессиональная принадлежность становится ключевым фактором политики.

Впрочем, этот аспект политической философии Соловьёва всегда интересовал исследователей его творчества. Например, подробно данный

вопрос исследовал в своём фундаментальном «Мирозерцании В.С.Соловьёва» Е.Н.Трубецкой, интересовался им А.Ф.Лосев и другие. Также эта концепция интересует и исследователей утопии вообще как жанра философской и социальной мысли. Например, можно вспомнить обширную монографию профессора И.А.Исаева «Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX вв.)», в которой теократической утопии Соловьёва отведено важное место.

Итак, в своей теократической утопии Владимир Соловьёв сформулировал идею создания единой христианской Церкви, преодолевшей церковные расколы минувших веков и воссоединившей в себе Православие, католицизм и протестантизм. А также идею объединения всего человечества под властью единого христианского государства. В конце концов, эта идея была осознана философом как утопическая, но перед этим долго занимала его как реальный проект переустройства мира. Но, несмотря на то что сам Соловьёв в своей утопии разочаровался, она оказала немалое влияние на современное ей и последующее развитие русской социальной и политической философии, а, по мнению И.А.Исаева, имела настолько большое значение, что «стала поворотным этапом в развитии русской консервативной мысли» [1, с. 66].

В первую очередь концепцию свободной теократии Соловьёв изложил в трактате «История и будущность теократии», который некоторые исследователи считают самым утопическим в его творчестве [2, с. 266]; а также в ряде других работ, например: «Россия и Вселенская Церковь», «Русская идея» и прочих.

Теократическая утопия Владимира Соловьёва представляет собой очень оригинальную систему церковно-государственного устройства общества, включающую в себя три основополагающих элемента, три ветви власти этой теократической системы – Царство, светского монарха, возглавляющего государство, Священство, духовного вождя понтифика, возглавляющего Церковь и пророков, провозглашающих волю Бога.

Исходной посылкой теократической утопии Соловьёва является его тезис о том, что Церковь суть нераздельный с мирской материальной жизнью человека институт, выступающий необходимым связующим звеном между мирским и небесным, Божественным [5, с. 506], осуществляя в духовной и материальной жизни человека принцип всеединства. Таким образом, жизнь человеческого общества должна находиться под властью Церкви в не меньшей степени, чем под властью государства. Только «церковная монархия» может, по мнению Соловьёва, «объединить вокруг себя все национальные и индивидуальные элементы» [6, с. 198]. Вообще, как замечает Е.Н.Трубецкой, на все религиозные и нравственные задачи в человеческом обществе Соловьёв в свой теократический период смотрит исключительно сквозь призму теократии [8, с. 513], без которой ни одна из этих задач решена быть не может.

Сама соловьёвская система всемирной теократической монархии структурно представляет собой своего рода проекцию на человеческое общество Божественного Троиинства. Как и Божественная Троица, система власти в свободной теократии включает в себя три власти, которые

представляют собой неразрывное единство, и каждая из властей выражает один из аспектов данного единства. Этими властями являются священство, царство и пророчество; под эгидой которых человечество должно восстановить своё единство, преодолев конфессиональные и национально-государственные разделения.

Священство, или власть Церкви, в теократической системе Соловьёва принадлежит римскому Первосвященнику, под властью которого должна воссоединиться вся христианская Церковь. Именно Риму, по убеждению Соловьёва, должно принадлежать первенство в воссоединившемся христианстве, так как, во-первых, римский Понтифик ведёт свою преемственность от Апостола Петра, первого епископа Рима, которого Сам Христос поставил первым среди апостолов, чему Соловьёв придаёт особенно большое значение [4, с. 152], а, во-вторых, только католическая церковь сохранила и утверждает вселенское единство в вере, избежав и раздробления на национальные части, как Православие, и сектантства, как протестантизм, и господства над собою государства. Здесь, в частности, проявились сильные прокатолические симпатии Соловьёва, которые были особенно велики в период увлечения им своей теократической концепцией.

Царство, светская государственная власть, в теократии Соловьёва фактически является частью Церкви, решая в первую очередь религиозно обусловленные вопросы общественной жизни. При этом подчинение Царства Священству не носит и не может носить юридического, обязывающего характера, но характер свободной сыновней покорности основанной на нравственности.

Кроме того, в государственном элементе теократической триады находят своё проявление старые славянофильские убеждения Соловьёва по поводу особой исторической роли России. Если главой единой христианской Церкви должен быть римский Понтифик, то главой единого христианского государства должен стать русский Царь, как наиболее христианский и могущественный монарх среди всех прочих монархов христианского мира. По Соловьёву, именно в утверждении на земле единой христианской монархии в виде свободной теократии и заключается всемирно историческое призвание России [6, с. 206].

Власть же пророков, с одной стороны, выступает связующим звеном между священством и царством, возвещая и тем и другим божественные идеалы, а, с другой, пророки становятся свободными инициаторами социального движения [6, с. 202], побуждая Церковь и общество стремиться к совершенству.

Также эти элементы теократической триады выражают, по Соловьёву, разные аспекты единого исторического процесса – прошлое, настоящее и будущее [6, с. 202]. Прошлое выражает церковное Священство, храня заветы отцов и истины вероучения. Настоящее – Царство, государственная власть, оберегающая материальное бытие и благополучие народа и Церкви. Будущее – пророки, возвещающие церковный идеал, божественные истины и повеления.

Но в итоге вся эта теократическая конструкция суть лишь средство для такого переустройства всей общественной жизни, чтобы стала возможной реализация высшей цели всего исторического процесса – восстановление всеединства, фактически построения Царства Божьего на земле.

Однако мечта об утопической теократической монархии не нашла в философии Владимира Соловьёва постоянного пристанища. В последнем десятилетии 19 века в творчестве Соловьёва происходят существенные изменения: в частности, мыслитель постепенно приходит к разочарованию в свое свободной теократии, осознавая её не реализуемость, а, с другой стороны, ощущая всё большее беспокойство по поводу набирающих темп исторических процессов, которые он истолковывал в эсхатологическом ключе.

Если к созданию теократической концепции Соловьёва подвигли его хилиастические надежды на возможность построения идеального общества в пределах текущего исторического процесса, Царства Божьего на земле, то к краху этих надежд, а вслед за ними и идеи свободной теократии в философии Соловьёва привели эсхатологические переживания мыслителя, всё более обострившиеся к рубежу веков – «титаническое беспокойство за судьбы всего мира» [3, с. 78], по замечанию А.Ф.Лосева.

Уже в «Оправдании Добра», написанном в первой половине 90-х гг. 19 в., понятие «теократии» практически не встречается и лишь мельком упоминается о теократической триаде Царь-Первосвященник-пророк, как замечает Е.Н.Трубецкой, «это лишь бледные тени прошлого» [9 с. 45]. Окончательный же крах теократическая утопия находит в последней крупной работе Соловьёва, в его эсхатологических «Трёх разговорах», написанных мыслителем незадолго до своей смерти.

Наиболее интересная, с точки зрения понимания сути отказа Соловьёва от теократической утопии, часть «Трёх разговоров» – это заключающая третий разговор «Краткая повесть об антихристе», где в яркой литературной форме мыслитель выражает своё итоговое отношение и к проблеме теократической монархии, и к своим эсхатологическим предчувствиям.

Так, по «Повести», всемирная монархия в виде свободной теократии не только не появляется (кстати, Россия там тоже не фигурирует в качестве носителя особой всемирной миссии), но возникает в виде царства антихриста, противопоставляющего себя Богу. Также не происходит и земное воссоединение христианской Церкви ни во главе с Римским Папой, ни на какой либо иной основе. Наоборот, большая часть христиан всех конфессий отдает себя под власть антихриста в храме «единства всех культов» [7, с. 751]. Воссоединение же христиан, малого стада верных, в единую Церковь происходит уже после окончания всемирной истории, что в «Повести» символизирует мученическая смерть за Христа от рук антихриста лидеров оставшихся верными христиан (Папы Петра, профессора Паули и старца Иоанна, символизирующих католичество, протестантизм и православие), и последующего их воскресения вместе с прочими казнёнными антихристом христианами. Таким образом, от теократической утопии «Царства Божьего на земле» у Соловьёва не остаётся и следа, но он фактически переходит к

традиционной для христианства апокалипсической эсхатологии, где достижение идеального состояния человека и общества возможно только после решительного столкновения Добра со Злом, Христа с антихристом, только за пределами земной истории.

«Соловьёв, – по замечанию А.Ф.Лосева, – весь без остатка сгорел в огне и ужасе своих апокалипсических предчувствий» [3, с. 89], – и в этом же огне сгорела его утопия.

Итак, идея теократической утопии в творчестве Владимира Соловьёва стала весьма важным и интересным, но преходящим явлением. Можно сказать, что в концепции свободной теократии проявился во многом ещё юношеский оптимизм Соловьёва, его хилиастическая вера в способность человечества к преобразению, к преодолению зла в себе. Однако с течением времени, по мере размышлений над прошлыми и текущими историческими событиями и явлениями, философ постепенно переходит к более трезвому, не идеализированному взгляду на человеческую природу и на возможность её преобразования посредством социальных трансформаций. Можно сказать, что в виде теократической утопии Соловьёв переживает увлечение просветительским прогрессизмом Нового времени, характерным для многих мыслителей эпохи Просвещения, но быстро расстаётся с ним, возвращаясь традиционному христианскому вероучению с его эсхатологией и апокалиптикой.

Список литературы

1. Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX - начало XX в.). М., Наука, 1991. 272 с.
2. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М., Молодая гвардия, 2009. – 617 с.
3. Лосев А.Ф. Русская философия // Очерки истории русской философии. Свердловск, Издательство Уральского университета, 1991. С. 67-95.
4. Соловьёв В.С. История и будущность теократии // Россия и Вселенская Церковь. Мн., Харвест, 1999. С. 131-160.
5. Соловьёв В.С. Русская идея // Россия и Вселенская Церковь. Мн., Харвест, 1999. С. 161-206.
6. Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьёв В.С. Сочинения, В 2 т., Т. 2. М., Мысль, 1990. С. 635-762.
7. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С.Соловьёва, В 2 т., Т. 1. М., Медиум, 1995. 606 с.
8. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С.Соловьёва, В 2 т., Т. 2. М., Медиум, 1995. 624 с.

References

1. Isaev I.A. Political and legal utopia in Russia (late XIX - early XX century). M., Nauka, 1991. 272 p.

2. Losev A.F. Vladimir Solovyov and his time. M., Molodaya gvardiya, 2009. 617 p.
3. Losev A.F. Russian philosophy // Essays on the history of Russian philosophy. Sverdlovsk, Ural University Publishing House, 1991. p. 67-95.
4. Solovyov V.S. The history and future of theocracy // Russia and the Ecumenical Church. Minsk., Harvest, 1999. P. 131-160.
5. Solovyov V.S. The Justification of the Good // Solovyov V.S. Works: V 2 v. V. 1. . M., Mysl, 1990. P. 47-548.
6. Solovyov V.S. Russian idea // Russia and the Ecumenical Church. Minsk., Harvest, 1999. p. 161-206.
7. Solovyov V.S. Three conversations about war, progress and the end of world history // Solovyov V.S. Works, In 2 tons., T. 2. M., Mysl, 1990. p. 635-762.
8. Trubetskoy E.N. The Worldview of V.S.Solovyov, V 2 t., T. 1. M., Medium, 1995. 606 p.
9. Trubetskoy E.N. The Worldview of V.S. Solovyov, V 2 t., T. 2. M., Medium, 1995. 624 p.